

В русском словоупотреблении конца XVIII — начала XIX века терминология, относящаяся к светскому поведению, имела семантические оттенки, заимствованные из французской культуры. Такие коннотации, относящиеся к изменчивой, быстро эволюционирующей сфере общественной жизни, зачастую оказывались эфемерными и становились малопонятными следующим поколениям. Поэтому учет французской семантики минувших эпох оказывается полезным, позволяя уточнить смысл пушкинских текстов.

Андрей Добрицын

ОБ ОПРАВДАНОСТИ НАРУШЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ Казус «Моей родословной»

Раздумывая много лет назад о подготовке текста и комментария к «Моей родословной» для академического собрания сочинений Пушкина, Лев Сергеевич Сидяков написал небольшую статью, в которой попытался обрисовать проблемы, возникающие перед текстологом и комментатором, готовящим это стихотворение. Текстологическая часть статьи начинается триумфально: «Установление дефинитивного текста “Моей родословной” не составляет большого труда, поскольку его в основном дает беловая рукопись стихотворения, приложенная Пушкиным к его письму к А. Х. Бенкендорфу 24 ноября 1831 г.»¹. Далее ученый, как и положено, оговаривает единственную поправку, которую следует внести в текст: исправить очевидно самоцензурный вариант ст. 18 «Не ваксил барских сапогов» на чтение первого автографа (ПД 925) и всех копий: «Не ваксил царских сапогов». Собственно, именно так и поступали во всех изданиях, начиная с «Красной нивы» (1930), включая большое и малое академические. Казалось бы, вопрос действительно ясный. Но так ли он ясен?

На сегодняшний день известны два автографа основной части стихотворения. Первый из них, ПД 925, — беловой с поправками автограф стихов 1—64 (без «Post scriptum») с датирующей поме-

¹ Сидяков Л. С. Вокруг «Моей родословной»: Проблемы изучения и комментирования стихотворения А. С. Пушкина // *Philologia: Рижский филол. сб.* Рига, 2002. Вып. 4: Миф. Фольклор. Литература. Быт. С. 85.

той: «3 дек<абря>» (1830 г.). Второй, ПД 139, — из письма Бенкендорфу, чистый беловой, включающий выделенный «Post scriptum», датируемый, как и все письмо, 24 ноября 1831 года. Есть три черновых болдинских автографа «Post scriptum», один из которых датирован 16 октября 1830 года. Плюс имеется авторизованная копия Н. М. Коншина, вероятнее всего относящаяся к лету 1831 года, когда Пушкин тесно общался с Коншиным в Царском Селе. Есть еще описание не дошедшего до нас предполагаемого автографа, который видел и наскоро зафиксировал в виде вариантов П. А. Ефремов.² Этот автограф, по утверждению Ефремова оставшийся у переписчика, которому Пушкин давал перебеливать стихи,³ помечен 16 октября 1830 года, — датой, выставленной, как уже говорилось, под черновой рукописью 1, 2, 3 и 5-й строф «Post scriptum» (ПД 135). К возможной причине появления той же даты под полным текстом стихотворения, которое, судя по декабрьскому автографу, даже в декабре еще не мыслилось как целое, мы вернемся позже. Пока же ситуация выглядит вполне очевидной. В Болдине (в октябре 1830 года) и на обратном пути оттуда (в Платовском карантине 3 декабря 1830 года) поэт создает стихотворение — точнее, две его части, на тот момент существующие порознь: 19 декабря 1830 года один из первых слушателей «Моей родословной», князь Вяземский, заносит в записную книжку: «Он много написал в деревне <...>. Куплеты “Я мещанин, я мещанин”, эпиграмму на Булгарина за Арапа, написал несколько <...> полемических статей».⁴ Позже, весной—летом 1831 года, стихотворение, уже ставшее единым целым, расходуется в копиях и появляется опасность,

---

² Ефремов П. А. Александр Сергеевич Пушкин. Стихотворение «Моя родословная» по подлинной рукописи // Русская старина. 1879. № 12. С. 735—737.

³ Там же. С. 734.

⁴ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 208 («Лит. памятники»). Как видим, «куплеты» (основная часть «Моей родословной») и «эпиграмма за Арапа» (то есть «Post scriptum») описываются как два разных стихотворения. По всей видимости, к тому же периоду раздельного бытования двух частей стихотворения относится свидетельство «корреспондента» (по предположению М. А. Цявловского, это был С. Д. Полторацкий — см.: III, 1229), на основании которого Н. П. Огарев восемь основных строф стихотворения напечатал под заглавием «Мещанин», а шестнадцать стихов «Post scriptum» (ст. 65—80, без окончания) выделил в самостоятельное стихотворение под заглавием «Моя родословная» с таким примечанием: «Это неоконченное стихотворение многие смешивают с стихотворением “Мещанин” и при переписке соединяют обоих <sic!> в одно. Но я лично от Пушкина знаю, что такое смешение — незаконно. (Прим. корреспондента)» (Русская потаенная литература XIX столетия. London, 1861. С. 31).

что оно дойдет до императора, а Пушкин получит взыскание за самовольное распространение не одобренного высочайшей цензурой стихотворения. Для предотвращения неприятностей в ноябре 1831 года поэт переписывает его набело, что-то подправляет и посылает Бенкендорфу. Очевидно, эта последняя рукопись должна быть признана наиболее авторитетным источником текста.

Однако в этой логике есть одно слабое звено. Дело в том, что «Моя родословная» не просто разошлась в копиях — она исключительно широко разошлась в копиях. На сегодняшний день выявлено более 60 списков этого стихотворения.⁵ Характер их говорит о том, что текст распространялся как путем переписывания, так и записывался по памяти с чтения вслух. Можно уверенно констатировать, что поэт приложил немалые усилия к распространению своего произведения. Разумеется, при многократном переписывании и особенно при записи по памяти в копии вкралось много ошибок, но в целом они дают на удивление стабильный текст, по всей видимости восходящий к тому же источнику, что авторизованная копия Коншина. Возможно, существовало более одного автографа, поскольку некоторые расхождения с копией Коншина повторяются в значительном числе списков, в том числе вышедших из ближайшего пушкинского круга, однако эти разночтения немногочисленны и тоже стабильны.⁶

На этом фоне особенно удивительным выглядит тот факт, что текст, посланный Бенкендорфу и довольно существенно отличающийся от копийного «канона», не воспроизведен ни в одной копии и до публикации письма Ефремовым в 1903 году оставался совершенно неизвестен читателям — даже ближайшему пушкинскому окружению, активно переписывавшему стихотворение и записывавшему его по памяти. Казалось бы, если Пушкин поправил текст и вычистил его, он должен был стремиться к распространению более совершенной редакции, однако этого не произошло. Как кажется, анализ текста автографа ПД 139 дает ключ к пониманию этого феномена.

---

⁵ Практически полный перечень выявленных копий см.: III, 1225—1228; дополнения к нему и анализ разночтений копий: *Сидяков Л. С.* Распространение «Моей родословной» в списках: Из истории раннего восприятия стихотворения Пушкина // *Русская литература.* 2005. № 4. С. 21—34; еще одно дополнение: *Шур Л.* Списки стихотворений Пушкина в архиве И. С. Гагарина // *Révue des études slaves.* 1987. Т. 59. Fasc. 1—2. P. 351—352, 362—365.

⁶ Так, во многих копиях ст. 83—84 читаются: «Кто ж он в семье своей почтенной? / Он на Мещанской дворянин» вместо «Что ж он, в семье своей почтенной?.. / Он?.. Он в Мещанской дворянин». В тех же копиях ст. 46 звучит «Не любит спора властелин» вместо «Не любит споров властелин». К таким же случаям можно отнести отсутствие выделенного «Post scriptum» и единое строфическое оформление всего текста, о чем речь пойдет ниже.

В автографе, посланном Бенкендорфу, есть ряд мест, явно смягчающих и затемняющих копийный текст. И это отнюдь не только всеми отмеченная и всегда исправляемая в изданиях очевидно самцензурная поправка ст. 18. По всей видимости, также для исключения явного намека на личность, приближенную к императору, исправлен ст. 5 («Не офицер я, не ассессор» вместо: «Я не лейб-кучер, не ассессор»), где подразумевался Илья Иванович Байков (1768—1838), лейб-кучер Александра I, о близости которого к особе государя ходили легенды и анекдоты. Шутить на эту тему было небезопасно: вице-президент Академии художеств А. Ф. Лабзин оказался в 1822 году в симбирской ссылке (и вскоре умер там от перенесенного потрясения) за то, что на предложение избрать в Академию почетным членом графа В. П. Кочубея — как человека, близкого к государю, — ответил: «О, если так, то надобно выбрать Илью кучера».⁷ «Офицер», заменивший «лейб-кучера», обезличивал стих — после внесения этой поправки перечень: «офицер», «ассессор», дворянин «по кресту», «академик», «профессор» — отражал лишь официальные пути получения дворянства: право на него давал любой офицерский чин, в статской службе для этого требовался чин коллежского ассессора (8-й класс, которому соответствовало также звание экстраординарного профессора), звание академика (6-й класс) или ординарного профессора (7-й класс) либо награждение орденом («по кресту»). Едкий рискованный выпад превращался в привычное пушкинское противопоставление чиновного дворянства родовому.

Возможно, еще более опасными были ст. 13—14: «Родов униженных обломок / И слава Богу не один», замененные в версии для Бенкендорфа на: «Родов дряхлеющих обломок / И по несчастью не один». Если в распространявшемся Пушкиным тексте речь шла о все еще заметной многочисленности и силе потомков старинных родов, хотя и униженных, но гордо хранящих славу предков, то в варианте для шефа жандармов вместо этого было сетование на упадок дряхлеющих родов. Первый вариант был весьма опасен для поэта в случае, если бы он попал на стол Бенкендорфу, давно опасавшемуся родового русского дворянства именно как независимой и оппозиционной политической силы, — эти опасения постоянно подпитывал своими доносами Булгарин.⁸ Во втором варианте, напротив, выка-

⁷ См. об этом в воспоминаниях воспитанницы Лабзиных Софьи Лайкевич (урожд. Мудрова): Лайкевич С. А. Воспоминания // Русская старина. 1905. № 10. С. 188 и далее.

⁸ См. об этом: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 317—328.

зывалось печальное смирение перед постепенным вымиранием этой опасной и неприятной для шефа жандармов элиты, что не могло не импонировать адресату.

Возможно, к таким же случаям можно отнести замену в ст. 22: «Немецких пудренных дружин», слишком прозрачно намекавших на гатчинский полк Павла I (в первом автографе это было еще очевиднее: «Парадных, гатчинских дружин», «Исправных, гатчинских дружин»), не очень понятными и более нигде не встречающимися «австрийскими». Немецкая тема могла неприятно сдетонировать на фоне описанного О. А. Проскуриным противостояния немецкой чиновной знати и русской родовой аристократии, бывшего неизменным фоном уже запрещенной к 1831 году полемики о литературных аристократах, звеном которой была «Моя родословная».⁹ «Австрийские дружины», видимо, не имели особого смысла, но и не подливали масла в огонь опасной дискуссии.

Уходом от острой темы было и исправление ст. 65 («Решил Фиглярин, сидя дома» вместо: «Видок Фиглярин, сидя дома»). После пушкинской статьи «<О записках Видока>» («В одном из № “Лит<ературной> газеты” упоминали о Записках парижского палача...»),¹⁰ а также эпиграммы «Не то беда, что ты поляк...», заканчивающейся словами: «Беда, что ты Видок Фиглярин» (III, 215), которую Греч и Булгарин опубликовали в искаженном виде (закончив словами «Но то беда, что ты Фаддей Булгарин»¹¹) и после запрета Дельвигу напечатать эпиграмму в ее настоящем виде (XIV, 90—91) упоминания Видока оказались фактически под запретом.¹²

Конечно, в автографе есть и случаи, которые можно отнести к чисто творческой правке. Так, ст. 25, читавшийся в копиях как «Мой предок Радша службой бранной», возможно, изменен на: «Мой предок Рача мышцой бранной» во избежание повтора: «службой <...> служил», — а также, видимо, из-за того, что копиисты большей частью не прочитывали имени Радши и изменяли стих на бессмысленное: «Мой предок ради службы бранной» (этот вариант обнаруживается в подавляющем большинстве копий). Более логично в этом автографе оформлен «Post scriptum», снабженный соб-

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Литературная газета. 1830. Т. 1. № 20, 6 апр.; Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. СПб., 2001. С. 229—230.

¹¹ Сын отечества и Северный архив. 1830. № 17. С. 303.

¹² См.: Замков Н. К. Архивные мелочи о Пушкине. IV. К истории пушкинской заметки о «Записках Видока» // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29—30. С. 71—77.

ственным строфическим рисунком.¹³ Однако, если часть поправок и могут быть признаны творческой правкой, все же неоспоримым остается тот факт, что редакцию, посланную Бенкендорфу, Пушкин никак не распространял и не довел до сведения даже ближайшего круга. Есть в тексте и некоторое количество совсем незначительных изменений (например, «Так мне ли быть аристократом» вместо: «Куда ж мне быть аристократом» и ряд подобных). Создается впечатление, что, посылая Бенкендорфу не только смягченный, но и в целом несколько отличающийся (во вполне невинных деталях) текст стихотворения, Пушкин оставлял себе возможность оправдания на случай, если более острая редакция копий попадет на глаза шефу жандармов и привлечет его внимание: при достаточном количестве незначимых отличий можно было бы утверждать, что текст копий искажен при переписываниях.

Теперь обратимся к письму Бенкендорфу, сопровождавшему посылку стихотворения. В нем рассказана история создания «Моей родословной» и «утечки» текста, разошедшегося в копиях: «Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не межданином в дворянстве, то дворянином в межданстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам» (XIV, 242, 442—443; ориг. по-франц.). История, описанная в письме Пушкина Бенкендорфу, — по всей видимости, мистификация. Ничего подобного в переписке Пушкина и Дельвига не обнаруживается: к моменту завершения «Моей родословной» как единого цельного текста, известного нам по копиям, Дельвиг был отстранен от издания «Литературной газеты», и скорее всего, его уже не было в живых. Не исключено, что дата «16 октября 1830 года», встречающаяся в некоторых копиях (в частности, в копии Ефремова), также имеет мистифицирующий характер — совпадая с датой одного из ранних черновых автографов «Post scriptum», она относит момент создания текста ко времени, когда стихотворение могло быть послано Дельвигу — и ко-

¹³ В копии Коншина «Post scriptum» был выделен («PS»), но не делился на строфы, в отличие от основной части, а в подавляющем большинстве копий вообще не выделялся и механически присоединялся к основной части, поделенной на восьмистишия. Это создавало «повисающие» последние четыре стиха, которые либо присоединялись к последней строфе, либо выделялись в отдельную, как бы не законченную, строфу, либо вообще отсекались как отдельная эпиграмма. В автографе, посланном Бенкендорфу, «Post scriptum» поделен на четверостишия изящными отступами.

гда полемика о литературной аристократии еще не была запрещена. Смерть Дельвига при этом снимала вопрос о том, как могла произойти утечка посланного ему текста.

Копия Коншина при первых публикациях была принята за автограф,¹⁴ что неудивительно, поскольку она содержит правку, возникшую непосредственно по ходу письма. Так, ст. 40 был начат: «Но я... я бедный» и тут же исправлен на: «я темный мещанин», ст. 79 начат не известным ни по каким иным источникам вариантом: «Чесма...» — тут же вычеркнутым и в той же строке продолженным: «Громада кораблей вспылала»; также в ходе письма менялись местами ст. 18 и 20. Таким образом, правка выглядит творческой, а не устранением ошибок переписчика, исправление же рукой Пушкина в ст. 19 «с придворными дьячками» на: «на крылосе с дьячками» заменяет один авторский вариант на другой, тоже имеющийся в автографе (в ранней рукописи ПД 925 сделана обратная поправка, а в тексте, виденном Ефремовым, отмечено то же исправление, что в копии Коншина). Все это создает впечатление, что копия создавалась под диктовку поэта с его собственными исправлениями по ходу записи. Тот факт, что почти во всех известных копиях не отмечен «Post scriptum», а запись стабильно сохраняет графически выделенное деление на строфы-восьмистишия, говорит в пользу того, что изначально мог распространяться текст, восходящий к несколько отличающемуся автографу, а затем при непосредственном участии Пушкина была изготовлена и выправлена копия Коншина — и именно ее можно принять за последнюю авторскую версию копийной редакции.

Итак, мы видим, что Пушкин тщательно правил и дорабатывал текст, который он пускал «в мир», — и этот текст разошелся именно в таком виде, с язвительными и острыми выпадами против узнаваемых лиц (которые довольно часто отмечались переписчиками в примечаниях) и против общественных тенденций. Затем поэт проделал достаточно большую работу над текстом, которая должна была по возможности оградить его от неприятностей, грозивших за распространение слишком острого стихотворения, — этот новый, смазанный и максимально затемненный текст был адресован ровно двум читателям — Бенкендорфу и Николаю. Никому больше он показан не был, не сохранился он и в бумагах Пушкина.

Все это ставит публикаторов перед дилеммой, печатать ли стихотворение по несомненному и наиболее позднему автографу, которого автор, очевидно, не желал показывать читателям, или по авто-

¹⁴ См.: Савенко И. Г. «Родословная» Александра Сергеевича Пушкина // Русская старина. 1880. № 6. С. 358.

ризованной копии — тексту, по всей видимости более раннему, но именно тому, который был вынесен Пушкиным на публику. Впервые печатая вновь обнаруженный автограф ПД 139 в издании 1903 года, Ефремов сохранил в том стихотворений текст копии Коншина,¹⁵ а автограф напечатал в составе письма Бенкендорфу в том писем, упомянув «смягчения и изменения», которым подвергся текст для посылки шефу жандармов.¹⁶ Практически все последующие издания печатали в корпусе стихотворений текст по последнему автографу, исправляя ст. 18 по копиям и автографу ПД 925.¹⁷ Однако, как кажется, на основании всего изложенного пришло время вернуться к корректному решению Ефремова, признать источником текста авторизованную копию Коншина ПД 927, а подлинный и наиболее поздний автограф оставить памятником пушкинской самообороны, — самообороны вполне успешной, поскольку никаких серьезных неприятностей за самовольное распространение столь опасного текста не последовало, а на публикацию его, надо полагать, Пушкин в любом случае не рассчитывал.

Т. А. Китанина

¹⁵ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 2. С. 256—258 (пояснение выбора источника в примеч. на с. 258).

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 447.

¹⁷ Исключение представляет издание под редакцией В. Брюсова (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Я. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 330—331*), появившееся между публикацией коншинской копии (1880 г.) и публикацией Щеголева, где было доказано, что это именно копия, а не автограф (*Щеголев П. Е. Неизданное письмо к Пушкину и неизданный автограф Пушкина // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 255—256*). Брюсов, публикуя коншинский текст, был уверен, что печатает стихотворение по автографу, при этом о существовании ПД 139, судя по всему, он просто не знал (этот автограф не указан в числе известных ему рукописей, приведенных в примечании на с. 331).

«ИНТЕРЕСНАЯ БЛЕДНОСТЬ»

О комментировании поэтической фразеологии

Стимулом к написанию этой заметки послужил поиск источников образа «бледного вора» в ст. 22 стихотворения Пушкина «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836): «Там неукрашенным могилам есть простор; / К ним ночью темною не лезет бледный

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026